

Казань: Изд-во Казанского государственного ун-та. 2009. Т. 151, № 5–2. С. 139–149.

21. *Веденин Ю.А., Кулешова М.Е.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия // Известия АН. Серия географическая. 2001. № 1. С. 7–14.
22. *Рагулина М.В.* Локальное сообщество и культурный ландшафт в современном мире // Современные проблемы науки и образования: сборник статей. 2013. № 6. URL: <http://www.scienceeducation.ru/ru/article/view?id=10893>.
23. *Ямсков А.Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы // Этнос и среда обитания: сборник статей по этнической экологии. Москва: Старый сад, 2017. Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. С. 36–47.
24. *Максимова А.* Традиционное природопользование русских монастырей // Альфа и Омега: сборник статей. 2003. № 37. URL: <https://www.pravmir.ru/traditsionnoe-prirodopolzovanie-russkihmonastyirey/>.
25. *Белобородова И.Н.* Стереотипные формы поведения в традиционном природопользовании севернорусского крестьянства (конец XIX – начало XX в.) // Уральский исторический вестник. 2011. № 2 (31). С. 73–81.
26. *Головнев А.В.* Касум – Ёх. Материалы для обоснования проекта этнически статусной территории. Шадринск: РИО ПО «Исеть», 1993. 112 с.

ЭТНИЧНОСТЬ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ: ВЗАИМОСВЯЗИ И РАЗЛИЧИЯ В УСЛОВИЯХ ПОЛИЭТНИЧНОГО РЕГИОНА РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

Омельченко Д. А., Максимова С.Г. Барнаул (Россия)

Публикация подготовлена в рамках проекта РНФ № 22-28-01120 «Модели конструирования религиозной идентичности в приграничных регионах России: институциональные механизмы, стратегии и практики» (2022-2023 гг.).

Аннотация. В статье представлены результаты социологического исследования в четырех регионах азиатского приграничья (Новосибирская область, Алтайский край, Республика Алтай, Республика Тыва, n = 1860, 18-70 лет). Целью анализа являлось сопоставление этничности и религиозности, оцениваемых через вопросы, направленные на самоидентификацию и определение тесноты близости с этническими и религиозными группами, уровня религиозности по индексу центральности религиозности.

Результаты указывают на то, что в современных условиях религиозная и этническая идентичность граждан складывается под влиянием этноконфессионального состава региона и определяется его спецификой. В национальных регионах наблюдается гипертрофированная идентичность у представителей регионообразующего этноса, тогда как у других этнических групп фактор этничности актуализирован в меньшей степени. Проявления религиозности, вероятно в силу необходимости больших усилий, менее сильны, имеет место асимметричная взаимосвязь между этничностью и религиозностью населения, проявляющаяся в большей этнизации религиозных, нежели конфессионализации этнических отношений.

Ключевые слова: этничность, религиозность, этническая идентичность, религиозная идентичность, полиэтничный регион, приграничье

ETHNICITY AND RELIGIOSITY: INTERRELATIONSHIPS AND DIFFERENCES IN THE POLYETHNIC REGION OF THE RUSSIAN BORDERLAND

Omelchenko D. A., Maximova S.G. Barnaul (Russia)

The publication was prepared within the framework of the project RNF 22-28-01120 «Models of construction of religious identity in border regions of Russia: institutional mechanisms, strategies and practices» (2022-2023).

Abstract. The article presents the results of sociological research in four regions of the Asian borderland (Novosibirsk oblast, Altai krai, Republic of Altai, Republic of Tyva, n = 1860, 18-70 years). The purpose of the analysis was to compare ethnicity and religiosity, evaluates by questions aimed at self-identification and determination of closeness with ethnic and religious groups, the level of religiosity according to the index of centrality of religiosity (CRI-20). The results indicate that, in modern conditions, the religious and ethnic identities are influenced by the ethno-religious composition of the region and determined by its specificity. In the national regions there is a hypertrophied identity among members of the regional ethnic group, while in other ethnic groups the ethnic factor is less actualized. The level of social aspect of religious identity is lower in comparison with ethnic identity, and there is an asymmetrical relationship, manifested in the ethnization of religious rather than the confessionalization of ethnic relations.

Keywords: ethnicity, religiosity, ethnic identity, religious identity, multi-ethnic region, borderland

В современной России вопросы, связанные с межэтническими, межрелигиозными отношениями, имеют характер приоритетных,

отраженных в государственных концепциях, стратегиях, доктринах в области национальной, конфессиональной, миграционной, культурной, образовательной и других политик. Развиваясь в параллельных траекториях и преследуя свои специфические цели и задачи, – эти политики в целом направлены на реализацию прав этнических и религиозных общностей на свободу самоопределения и самовыражения, сохранение и развитие исторических, культурных ценностей при достаточно явно артикулированном приоритете обеспечения безопасности этих отношений, совладания с вызовами и проблемами, продуцируемыми глобальными, национальными и локальными факторами. Приграничные регионы в силу существенных различий в географическом, экономическом положении, этническом составе, являются регионами, выступающими, с одной стороны, зонами активного транснационального сотрудничества, имеющего свою специфику (так, трансграничные контакты в регионах Северо-Запада имеют сильный финно-угорский «крен», западные – завязаны на взаимоотношениях с Украиной, Белоруссией и европейскими странами, южные – со странами Кавказа и Закавказья, Центральной Азии, дальневосточные – с Китаем и странами Азиатско-Тихоокеанского региона, хотя такое разделение, конечно же, весьма условно), с другой, – являются территориями с повышенными рисками напряженности межэтнических и межконфессиональных отношений, требующими полного погружения в исторический контекст территориальных, лингвистических, культурных споров и противоречий [4]. В этой связи изучение взаимосвязей между этническими и религиозными аспектами социальных отношений в приграничных регионах имеет непреходящую научную и практическую значимость.

Анализ научной литературы показывает тесную взаимосвязь между религией и этносом, что находит отражение в частом обозначении каких-то явлений или групп как этноконфессиональных (фактически в этом термине понятия смешиваются). С одной стороны, религия способствует сохранению этнических и культурных традиций, помогает адаптироваться в новом обществе, выступает значимым источником этнической идентичности, что особенно отмечается в миграционных исследованиях [6]. С другой, изменение религиозного ландшафта под влиянием миграционных процессов порождает новые модели поведения и транснациональные практики, включая религиозные, которые могут не только способствовать, но и препятствовать выбору конструктивных стратегий аккультурации у представителей этнических групп [3]. Несмотря на то, что религия часто является значимым компонентом этнической культуры,

характер связи между ними не является линейным: не вполне понятно, является ли религиозная принадлежность главным и значимым фактором интеграции этнического сообщества или же религиозные ориентации выступают одним из компонентов этнической идентичности. Иногда социальные сообщества подчеркивают их религиозную идентичность больше, чем этнические основания, тогда как в других случаях этническая идентичность выносится на первый план, тогда как религиозные институты используются только для того, чтобы сохранить культурные традиции и обозначить этнические границы [7, 8]. Как очень точно и справедливо отмечает О. Казьмина, этнические и конфессиональные общности – это два разных вида социальных объединений, которые часто проживают на одной территории и представляют одни и те же совокупности людей. Границы между этими видами общностей иногда причудливо пересекаются между собой, порой происходит этнизация конфессии и конфессионализация этноса [2]. В методическом плане вопрос сопоставления этничности и религиозности социальных групп предполагает нахождение адекватных инструментов, способных отразить их мировоззренческие, когнитивные, эмоциональные, идентификационные и поведенческие компоненты и взаимосвязи. Эмпирически это решается посредством анализа этнического состава конфессий и конфессионального состава этнических групп, выраженности религиозной и этнической идентичности, религиозности и этничности, сопоставления мнений и установок этнических групп в отношении религиозных тем и особенной восприятия межэтнических отношений представителями различных религий, в целом, проведение комплексного анализа, способного пролить свет на широкую палитру взаимосвязей между этносом и религией.

В 2022 году научным коллективом Алтайского государственного университета в рамках проекта РФФ четырех приграничных регионах России – Алтайском крае, Новосибирской области, республиках Алтай и Тыва проводилось социологическое исследование, направленное на изучение различных аспектов проявления религиозности населения, в том числе изучались вопросы, связанные с этнической принадлежностью респондентов и оценкой близости с различными социальными общностями, а также проводилась оценка восприятия различных религиозных групп. Выбор регионов определялся следующими факторами: с одной стороны, все четыре региона принадлежали к общей зоне азиатского приграничья (Алтайский край и Новосибирская область граничат с Казахстаном, Республика Алтай – с

Казахстаном, Монголией и Китаем, Республика Тыва – с Монголией), с другой, – имели особенности этнического и конфессионального состава, обладающие значительным потенциалом для сравнительного анализа. Выборочная совокупность составила 1860 человек от 18 до 70 лет, способ сбора данных – онлайн опрос с контролем территориальных и социально-демографических параметров генеральной совокупности.

Этнический состав опрошенных в регионах в целом соответствовал результатам последней переписи [1] и обеспечивал представительность наиболее многочисленных этнических групп (немцев, армян, казахов, таджиков и некоторых других). Русские в Алтайском крае составили 72,0% от выборочной совокупности, в Новосибирской области – 76,8%, в Республике Алтай – 48,3%. В Республике Тыва их доля была минимальной – 6,1%, тогда как доминирующее положение занимали тувинцы, включая тувинцев-тодзинцев (82,4%). Кроме русских в Алтайском крае было опрошено 13,0% респондентов других национальностей, 7,0% – со смешанной этнической идентичностью и 6,0% – с неэтническими идентификациями (респондентов, определяющих себя по гражданству или имеющих космополитическую направленность идентичности). В Новосибирской области доля иноэтнических граждан составила 4,0%, со смешанной национальностью – 13%, с неэтническими идентификациями – 5,5%. В Республике Алтай, кроме русских, значительную долю занимали алтайцы, включая алтай-кижи, теленгитов, а также кумандинцы (29,3%), другие этносы составили 9,6%, смешанные идентичности – 8,4%, неэтнические идентификации – 4,1%. В Республике Тыва другие этносы практически не были представлены (1,6%), тогда как доля смешанных и иных идентификаций не превышала 5%.

Для определения и сопоставления выраженности этнической идентичности респондентам задавался вопрос о том, насколько близко они ощущают близость с представителями своей этнической общности. Около 40% респондентов по всей выборке независимо от региона проживания указали, что они в значительной степени идентифицируют себя со своим этносом, однако эта доля имела большой разброс по отдельным регионам и этническим группам.

Доля лиц с выраженной этнической идентичностью была максимальной в Республике Тыва (62,8%) и Республике Алтай (47,7%) и минимальной в Новосибирской области (31,0%) и Алтайском крае (36,3%). Заметна тенденция акцентирования на своей этнической идентичности в национальных республиках и снижение важности этнического фактора в регионах с доминирующим русским населением

и большим количеством граждан, замещающих этническую идентичность на другие варианты. Детерминация региональных показателей особенностями этнического состава наиболее ярко проявилась в ходе анализа выраженности этнической идентичности в разрезе этносов и групп, сформированных по количеству идентификаций и их описательным характеристикам. Если среди русского населения приграничных регионов доля лиц, имеющих тесную эмоциональную связь со своим этносом составила около 40% (среднее значение по выборке в целом), среди «других» национальностей эта доля была аналогичной (39,5%), то для титульных этносов национальных республик – алтайцев и тувинцев этот показатель приближался к 70%, что разительно отличало их от других этнических групп (для сравнения, в группе казахов доля лиц с сильной идентичностью составила 41,7%, среди немцев, армян, татар, таджиков – 10-25%). В группе респондентов со смешанной идентичностью доля имеющих тесную близость также была невысокой – 25,5%, среди предпочитающих идентифицировать себя как «славяне», «сибиряки», «россияне» или просто «люди» – 24,1%.

Выраженность религиозности оценивалась с помощью комплексной методики Ш. Хубера CRS-20, включающей пять ключевых измерений, оценивающих идеологические, интеллектуальные аспекты религиозности, роль частных и публичных практик, религиозного опыта [5]. Результаты по объединенным данным показали, что средний уровень религиозности населения приграничных регионов составил 2,6 балла по пятибалльной шкале, доля лиц с высокой религиозностью – 8,5%. Самые низкие показатели религиозности ожидаемо были в группе респондентов, не считающими себя верующими (1,7 балла), а также среди тех, кто верит, но не может точно назвать свое вероисповедание (неопределенно верующих) (2,7 балла). Максимальный индекс религиозности – у мусульман (3,5 балла) и инославных христианских конфессий (католиков, протестантов, баптистов и др.) (3,3 балла), у православных его средние и медианные значения были близкими к середине шкалы (3,0 балла).

Статистический анализ показал, что достоверно различались только средние показатели неверующих и сторонников ислама, тогда как различия между другими группами лежали в пределах статистической погрешности, что, с одной стороны, указывало на валидность инструментария, его способность измерять религиозность в мультиконфессиональных условиях, с другой стороны, подтверждало, что не религия сама по себе, а индивидуальные особенности восприятия, принятие религиозных правил и опыт лежат в основе

проявления религиозности. Нельзя сказать, что православные верят менее сильно, чем мусульмане, однако, если сравнивать доли лиц с высокой религиозностью, то можно отметить, что их количество действительно существенно выше среди представителей некоторых религий – ислама, неправославных христианских деноминаций (пятидесятников, адвентистов седьмого дня), последователей неоязыческих течений (в этих группах доля высокорелигиозных превышает 20%), тогда как среди буддистов и православных она составляет 11-13%, среди последователей «алтайской веры», шаманистов и лиц, сочетающих в своем образе жизни шаманское и буддистское учения – 7-9%. Такой разброс значений нельзя объяснить какой-то одной причиной, однако можно предположить, что в случае православия и буддизма имеет место проявление так называемой идентификационной религиозности, когда человек идентифицирует себя с какой-то религией или конфессией, но эта идентичность не всегда сопровождается глубокими религиозными переживаниями и опытом взаимодействия с трансцендентным. Низкие показатели у шаманизма и «алтайской веры» – объясняются, на наш взгляд, практическим отсутствием публичного измерения, поскольку в этих религиях слабо выражено понятие религиозной общины, нет практик (или они имеют значительно видоизмененный вид по сравнению с другими религиями) посещения храма, отправления молитвы, то есть основные измерения индекса «работают» с этими религиями не совсем так, как к «большими» традиционными религиями.

Корреляция между индексом религиозности и показателем религиозной идентичности, оцениваемым аналогично с этнической идентичностью, составила $\rho = 0,45$, что указывало на несомненную и достоверную положительную взаимосвязь ($p < 0,01$). При этом, среди тех, кто испытывал тесную близость с представителями своего вероисповедания, только 21,4% – имели высокие показатели религиозности, тогда как у 65,1% она была выражена на среднем, а еще у 13,5% – на низком уровне, что подтверждало наш тезис о нелинейной и неоднозначной взаимосвязи между различными компонентами и проявлениями религиозности, и о том, что для многих верующих ключевым являлся именно социальный аспект – возможность принадлежать к определенной группе верующих, быть частью определенной религиозной культуры.

Особый интерес представляли результаты перекрестного анализа взаимосвязей между «этническими» и «религиозными» вопросами инструментария

Корреляция между показателями тесноты связи с этническими и религиозными группами составила 0,48. По регионам различия во взаимосвязи несущественны, что подтверждается сравнительным анализом коэффициентов (Fisher's $z = -1,5497$, $p = 0,06$, $CI (95\%) = -0,1893, 0,0224$). В Алтайском крае коэффициент корреляции составил – 0,41, в Новосибирской области – 0,46, в Республике Тыва – 0,43, в Республике Алтай 0,51. Иными словами имело место наложение идентичностей, но не их тождественность. Около 80% респондентов со значительной степенью близости к представителям своей религии имели такую же связь со своим этносом, тогда как противоположная ситуация, когда связь с религиозной группой не сопровождалась этнической идентификацией, являлась достаточно редкой (всего 1,4%). Между тем, наши данные показали наличие асимметрии во взаимосвязях. Когда проводился реверсивный анализ, и сопоставлялось распределение по тесноте связей с религиозной группой у лиц с разным уровнем этнической идентификации, оказалось, что лица с сильной этнической идентичностью только в половине случаев (50,2%) имели сильную связь с представителями своего вероисповедания, при этом 10,5% – совсем не ощущали близости со своими единоверцами или же, что еще более вероятно, сами не являлись верующими. Таким образом, данные указывали, во-первых, на то, что этническая принадлежность являлись более значимым маркером идентичности жителей приграничных территорий (41,6% с высокими показателями), чем религиозная идентичность (26,5% соответствующих ответов), во-вторых, имело место более частое проявление этнизации конфессиональных отношений, чем конфессионализация этнических связей. Сопоставление индекса религиозности в группах по выраженности этнической идентичности показало статистически значимые различия (t -test, $p < 0,01$): в группе лиц с выраженной этнической идентичностью уровень религиозности был достоверно выше (2,85 балла) по сравнению с жителями приграничных регионов (2,44 балла), однако размер эффекта, оказываемый этничностью, скорее посредственный (Cohen's $d = 0,45$).

Проведенный анализ в этнических группах показал, что наибольший уровень религиозности отмечался в группах казахов, армян, тувинцев, таджиков, а меньший – среди лиц с неэтнической идентификацией (2,3 балла), русских (2,5) и в малочисленных этнических группах, отнесенных при группировке к «другим» (2,4). Между тем, эти различия не являлись значительными (всего 0,1-0,2 балла), и сравнения средних значений по группам не являлось вполне адекватным. Оказалось, например, что среди некоторых групп

(например, казахов, армян), доля лиц с высокой религиозностью довольно высока (27-32%), тогда как среди других с близким средним баллом (татар, тувинцев) – очень мала (7-8%), что ставит перед исследователями новые вопросы, ответ на которые планируется найти на последующих этапах анализа.

Таким образом, сопоставление этнических и религиозных характеристик идентичности населения показало широкую палитру проявлений и взаимосвязей. Обследованные приграничные регионы являются глубоко полиэтничными и поликонфессиональными, однако это многообразие обеспечивается не только количеством проживающих на данных территориях этносов или исповедуемых религий. Гораздо большую пестроту образуют внутри- и межгрупповые варианты осмысления и демонстрации этнической и религиозной принадлежностей, образующие континуум от крайне слабых проявлений и даже отрицания существования этничности и религиозности как значимых факторов, определяющих образ мысли и поведения, до демонстрации полной приверженности ценностям и нормам своего этноса и религии. Различия между национальными регионами и регионами с доминирующим «русским» ядром проявляются прежде всего в выраженности этнической идентичности у национальных групп, этнонимы которых легли в названия республик. Укажем и на то, что в национальных республиках гораздо выше доля граждан, обладающих одновременно выраженной этнической и религиозной идентичностью (26-37%) по сравнению с «русскими регионами» (12,4% в Новосибирской области и 15,3% в Алтайском крае). Однако, не менее важны соотношения между верующими и неверующими, лицами с гомогенной и смешанной идентичностью, сочетания этнических и религиозных идентификаций, указывающие на то, что в каждом регионе имеется особая модель этноконфессиональных отношений, формирующаяся на основе уникального историко-культурного наследия под влиянием широкого спектра факторов, среди которых немаловажную роль играют миграционные процессы, инфраструктура национальных и религиозных объединений, особенности реализации национальной политики и другие обстоятельства. Описанию этих моделей будут посвящены последующие публикации.

Литература

1. Всероссийская перепись населения 2020 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 2.06.2023).

2. *Казьмина О.Е.* Связь этноса и конфессии. проявление этой связи в религиозной ситуации в Белоруссии. URL: <https://ia-centr.ru/experts/iats-mgu/svyaz-etnosa-i-konfessii-proyavlenie-etoy-svyazi-v-religioznoy-situatsii-v-belorussii/>(дата обращения: 2.06.2023).
3. *Леденева В.Ю., Бегасилов Б.Т.* Влияние религиозного фактора на процессы интеграции мигрантов-мусульман в России. Вопросы управления. 2021. № 1 (68). С. 118-130.
4. *Шинковский М.Ю.* Трансграничное сотрудничество как рычаг развития российского Дальнего Востока // ПОЛИС. Политические исследования. 2004. № 5. С. 62-70.
5. *Huber S., Huber O.W.* The centrality of religiosity scale (CRS). Religions. 2012. No. 3(3). P. 710-724.
6. *Min P.G.* Preserving ethnicity through religion in America. In Preserving Ethnicity through Religion in America. New York University Press, 2010.
7. *Peek L.* Becoming Muslim: The development of a religious identity. Sociology of religion. 2005. No. 66(3). P. 215-242.
8. *Rico T.* Islam, heritage, and preservation: an untidy tradition. Material religion. 2019. No. 15(2). P. 148-163.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЛЮДЕЙ ПОЖИЛОГО ВОЗРАСТА

Осипова Е.Н., Барнаул (Россия)

Аннотация: В статье обозначается проблема информационной безопасности людей пожилого возраста, рассматриваются факторы, влияющие на возникновение информационных угроз. Рассматриваются наиболее распространённые способы мошенничества в отношении людей пожилого возраста.

Ключевые слова: пожилые, информационная безопасность, информационные угрозы

INFORMATION SECURITY OF THE ELDERLY PEOPLE

Osyova E.N., Barnaul (Russia)

Abstract: The article highlights the issue of the elderly people information security and considers factors, causing information threats. The most common ways of fraudulent actions against the elderly people are being scrutinized.

Keywords: the elderly, information security, information threats